Для цитирования: Мухаметов Р. С. Коллективный портрет лидеров региональных отделений парламентских политических партий (на примере субъектов УрФО) // Социум и власть. 2020. № 6 (86). С. 17—28. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-17-28.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-17-28

УДК 323.39

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ЛИДЕРОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ (НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ УРФО)[1]

Мухаметов Руслан Салихович,
Уральский федеральный университет,
департамент политологии и социологии,
доцент кафедры политических наук,
кандидат политических наук.
Российская Федерация, 620000,
г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Аннотация

Введение. В политологической литературе существует несколько основных подходов, которые объясняют слабость института политических партий в России. Эти концепции указывают на причины, которые находятся вне политических партий. В настоящем исследовании предпринимается попытка связать невысокий статус политических партий в России с качеством партийного топ-менеджмента, в частности с региональными лидерами партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия»).

Цель. Создание коллективного портрета руководителей региональных отделений парламентских политических партий.

Методы. Идентификация элит в данной работе выполнена в рамках позиционного подхода. Основным методом сбора и анализа данных является биографический подход.

Научная новизна. Предложена дополнительная объяснительная модель слабости института политических партий в России — качество партийного руководства. Рассмотрены факторы, оказывающие влияние на внутрипартийные процессы.

Результаты. Проведён сравнительный анализ социально-профессиональных характеристик руководителей региональных отделений партий, а также их карьерных траекторий. Выявлен среднестатистический портрет региональных лидеров парламентских партий.

Выводы. Руководитель регионального отделения партии — это мужчина среднего возраста с высшим техническим образованием, не служивший в Вооруженных Силах РФ и являющийся выходцем из депутатского корпуса или бизнес-сообщества.

Ключевые понятия:
политические партии,
Единая Россия,
КПРФ,
ЛДПР,
Справедливая России,
региональная элита,
партийная элита,
коллективный портрет.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31049 «Региональная партийная элита: социально-демографические характеристики, каналы рекрутирования, карьерные траектории».

Введение

На сегодня можно констатировать, что политические партии стали неотъемлемым атрибутом российской политической системы, ни одни федеральные, региональные или местные выборы не обходятся без участия партийных кандидатов. По состоянию на 18.03.2020 список зарегистрированных Минюстом политических партий состоял из 49 политической организации. С другой стороны, существует огромное количество исследований, в которых говорится о слабости политических партий в постсоветской России [23, с. 4—5]. Действительно, этому есть немало доказательств. Так, например, на президентских выборах (проводились 6 раз с 1993 года) только дважды (в 2008 и 2012 гг.) победитель выдвигался политической партией (сохраняя при этом беспартийный статус). По данным социологических опросов, политические партии не входят в Топ-5 общественных институтов, которые пользуются одобрение населения[1]. Экспертами были выдвинуты многочисленные объяснения этому феномену. В частности, среди причин слабости российских партий называется институциональный политический дизайн страны. Российский вариант президентско-парламентской формы правления (суперпрезидентская система) не предполагает формирование исполнительной власти партией, победившей на думских выборах. У партий нет возможностей реализовывать разработанный ими политический курс и нести за него ответственность. В таких условиях роль партий в политической системе небольшая, стимулы к партийному строительству отсутствуют [5, с. 189—190]. Другое объяснение связано с советским наследием: советский режим разрушил социальные расколы, которые являются основой для межпартийного размежевания [8; 11]. В качестве примера обычно приводят появление универсальных партий (например, Единая Россия), которым свойственно отсутствие четкого идеологического позиционирования. В научной литературе такие партии называются «всеядными» (термин О. Кирххаймера) или партиями избирателей (термин Ж. Шарло). На развитие партий важное и непосредственное влияние оказывает избирательная система. Считается, что развитию политических партий способствует пропорциональная система [6, с. 11—12]. В России из 85 региональных парламентов выборы по пропорциональной системе проходят только в 7 субъектах (Калмыкия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия и Чечня). Во всех остальных действует смешанная (мажоритарно-пропорциональная) система, в том числе и на федеральных парламентских выборах (за исключением думских 2007 и 2011 гг.).

Таким образом, можно констатировать, что политические партии в России являются слабыми политическими субъектами. Выше мы очертили основные объяснительные модели такого положения, которые существуют в научной литературе. Все эти подходы объединяет одно — они являются внешними (экзогенными) по отношению к самим партиям, они не рассматривают внутреннее состояние самих партий, характеристики партийного руководства, особенно региональных отделений, в качестве одной из возможных причин слабости политических партий в современной России. Целью нашего исследования является построение коллективного портрета руководителей региональных отделений парламентских политических партий. Предметом нашего исследования являются социально-демографические характеристики региональных партийных элит, каналы рекрутирования, карьерные траектории.

Данная тема заслуживает внимания по ряду причин. Во-первых, такие характеристики могут значимо влиять на политические/электоральные стратегии региональных отделений партий, хотя здесь нет автоматической зависимости. Во-вторых, особенности источников рекрутирования руководителей региональных отделений партий могут сами быть отражением и следствием структуры власти, присущей данному обществу или сообществу. В этом смысле, их анализ поможет понять структуру власти, характер взаимоотношений, сложившийся между различными группами интересов и институциональными сегментами внутри данного общества. Следует также отметить, что изучение социально-профессиональных особенностей региональной партийной элиты дает возможность лучше понять сам процесс рекрутирования, факторы, лежащие в его основе, критерии отбора членов властных групп. Значимость исследования образовательных характеристик региональной партийной элиты определяется тем, что это может быть важным показателем специфики и тенденций изменения партийной системы, в рамках которой рекрутируются

[1] Одобрение деятельности общественных институтов // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov/ (дата обращения: 01.08.2020).

и функционируют элиты. Кроме того, образовательный ресурс руководителей политических партий на местах может выступать значимой детерминантной партийной политики в регионе, ее содержания и направленности. Уровень, тип, место получения образования, а также количество законченных учебных заведений определяют специфику условий политической социализации регионального партийного руководителя, которая, в свою очередь, может влиять в какой-то степени на интересы, ценности и политические предпочтения политиков.

Несмотря на столь большое число политологов, которые занимаются изучением политических элит как на федеральном, так и на региональном уровнях, мало исследуемой темой является партийная элита. Абсолютное большинство исследований посвящено изучению правящей (административной) или политической элиты, почти при полном пренебрежении партийной. Нельзя сказать, что данная тема совсем игнорируется. Однако ее изучением, как правило, занимаются историки, анализирующие партийную элиту в конкретном регионе в советский период [2; 7; 19; 13]. Исследователей, кто занимается изучением региональной партийной элиты на современном этапе, — очень ограниченное число [17; 20].

Таким образом, обзор научной литературы показывает, что феномен региональных партийных элит изучается достаточно узко, применительно к конкретному субъекту РФ или макрорегиону, большинство из которых ограничены частью Сибири. Комплексных исследований как в территориальном измерении (помимо Сибири), так и партийном разрезе, нет. Данная статья направлена на то, чтобы заполнить в какой-то степени данный вакуум.

Методы исследования и источники данных

Одна из первых задач любого исследования связана с определением объекта изучения. Решение этой задачи представляется важным: в зависимости от того или иного понимания элит, круг лиц, подпадающих под пристальное внимание исследователя, может меняться. Идентификация элит в данной работе происходила в рамках позиционного подхода, который использовали практически во всех крупных исследованиях национальных элит [25]. Родоначальником его является К. Райт Миллс. Он предполагает, что власть в большей степени сосредоточена в небольшой властной элите, важнейшие политические решениях принимаются небольшим кругом с общим социальным происхождением и интересами, которые скрываются за разнообразием организаций [9]. Согласно данному подходу, к элите относятся как «лица, занимающие руководящие посты в политических институтах и частных организациях, в силу своего контроля над внутриорганизационными властными ресурсами способны влиять на важные (политические) решения» [26, с. 53]. Несмотря на критику (преувеличение роли лиц, обладающих номинальной властью, и игнорирования влияния «теневых» фигур) [20], он наиболее широко используется при определении элит, т. к. является наиболее надежным методом и наиболее простым в применении на практике, поскольку он не предполагает ни проведение экспертного опроса, ни требует длительных исследований процесса принятия решений [24, с. 29—30]. Таким образом, позиционный подход основывается на институциональном определении элит и их властных ресурсов. Определение элит по типу занимаемых ими должностей позволяет очертить четкие, надежные и воспроизводимые критерии для определения объекта изучения.

При анализе применялся биографический метод. Пионерами биографических исследований были два исследователя Чикагской школы социологии Уильям Томас и Флориан Знаниецки, которые написали работу «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918—1920 гг.). Хотя, повторимся, биографические исследования развивались в социологии, в последние годы они прочно утвердились и в других отраслях науки в качестве междисциплинарного метода исследования. Способность биографического подхода распространяться на все дисциплины может быть объяснена социальной индивидуализацией и сопутствующей ей биографизацией. Кроме того, принципы методов и методология проведения биографических исследований чрезвычайно хорошо подходят для целого ряда дисциплинарных и междисциплинарных областей исследований [21].

«Биографические методы» — это термин, обозначающий совокупность слабо связанных между собой различных видов деятельности: повествование, история жизни, устная история, автобиография, биографические интерпретационные методы и т. д. Эти виды деятельности, как правило, действуют параллельно, часто не признавая существования друг друга, некоторые

характеризуются дисциплинарной чистотой, а другие демонстрируют преднамеренную междисциплинарность. Биографические исследователи работают с различными типами данных, включая дневники, записные книжки, интерактивные веб-сайты, видеоматериалы, блоги и др. [22, с. 345—346].

Хронологическими рамками исследования в статье является период 2007—2019 гг. Начальная точка нашего исследования выбрана по причине того, что с конца 2006 — начала 2007 гг. все рассматриваемые нами политические партии функционировали (последней из всех была основана партия «Справедливая Россия», что случилось 28 октября 2006 года). 2020 год выбран по причине завершения нашего исследования.

Работа над статьей шла следующим образом: сначала был создан полный список руководителей региональных отделений политических партий. Необходимо сказать, что к вышеназванной категории партийных менеджеров мы относим Секретарей (партия «Единая Россия»), Первых секретарей (КПРФ), Координаторов (ЛДПР), Председателей Совета (Справедливая Россия) региональных отделений партии. Затем осуществлялся поиск биографической информации по каждому представителю. Биографическая информация включала в себя дату и место рождения, уровень образования и специализацию, место работы и должность, а также службу в армии. В качестве источников информации использовались официальные сайты политических партий, региональных парламентов и другие интернет-сайты. Была собрана и введена в единую базу информация по 71 персоне (см. табл. 1).

Результаты исследования

В гендерном отношении корпус региональных лидеров партий однороден (см. табл. 2).

Как видно из таблицы, почти 93 % руководителей региональных отделений партий представлены мужчинами. Эти данные не являются большим откровением или сюрпризом. Как показывают данные Росстата, для политической сферы характерна низкая представленность женщин[1]. Этому есть несколько объяснений. В научной литературе принято выделять три основных барьера, которые стоят на пути участия женщин в политической жизни [28; 29]. Во-первых, это институциональные барьеры. Прежде всего речь идет об избирательных системах. Считается, что мажоритарная система и выборы по одномандатным округам способствует доминированию мужчин. Женщинам благоприятствуют пропорциональная избирательная система и многомандатные округа. Необходимо отметить, что тип избирательной системы в качестве объяснительной модели в большей мере имеет значение в межстрановых исследованиях, чем в настоящей работе. Во-вторых, социальные и культурные стереотипы. Во многих странах сохраняются сильные патриархальные традиции, что затрудняет женщинам проникновение в мир политики, где доминируют мужчины. В различных обществах по-прежнему уделяется большое внимание роли женщин в семье как матерей и жен. Кроме того, политика в России пока остается «мужской» сферой, т.к. она основана на парадигме конкуренции и конфронтации, в то время как женский стиль подразумевает сотрудничество и консенсус. Наконец, это психологические или мотивационные факторы. Политика рассматривается как «грязное дело» и ее крайне негативные характеристики отвращают большинство женщин от участия в ней.

Говоря о распределении по возрастным периодам (см. табл. 3), то можно сказать, что доминирует средний возраст.

[1] Демографический ежегодник России 2019. Приложение к сборнику (информация в разрезе субъектов Российской Федерации) 2019.

Таблица 1

Количество руководителей региональных отделений политических партий

Регионы	Единая Россия	ЛДПР	КПРФ	Справедливая Россия
ЯНАО	3	4	2	1
ХМАО	3	4	3	1
Курганска область	3	4	2	5
Тюменская область	3	4	1	1
Свердловская область	3	6	3	2
Челябинская область	1	5	5	2
Итого	16	27	16	12

Таблица 2

Гендерное распределение руководителей региональных отделений политических партий (мужчин + женщины)

Регионы	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Справедливая Россия	Итого (количество / процент)
ЯНАО	3 + 0	1 + 1	4 + 0	1 + 0	9 + 1 / 12,7 + 1,4
ХМАО	3 + 0	3 + 0	4 + 0	1 + 0	11 + 0 / 15,6 + 0
Курганская	3 + 0	2 + 0	4 + 0	5 + 0	14 + 0 / 19,2 + 0
Тюменская	3 + 0	0 + 1	4 + 0	1 + 0	8 + 1 / 11,4 + 1,4
Свердловская	2 + 1	3 + 0	6 + 0	2 + 0	13 + 1 / 18,4 + 1,4
Челябинская	1 + 0	4 + 1	4 + 1	2 + 0	11 + 2 / 15,6 + 2,9
Итого	15 + 1	13 + 3	26 + 1	12 + 0	66 + 5 / 92,9 + 7,1

Таблица 3

Возрастная периодизация руководителей региональных отделений партий

Партия	21—35	36—45	46—55	56—65	66-	Нет инф.	Итого	Средн. возраст
Единая Россия	0	4	6	5	0	1	16	45,75
КПРФ	1	5	4	5	1	0	16	49,33
ЛДПР	13	8	5	0	0	1	27	36,5
Справедливая Россия	2	4	4	2	0	0	12	47,75
Итого	16 22,5%	21 29,6 %	19 26,8 %	12 16,9 %	1 1,4 %	2 2,8 %	71 100 %	42,85
		56,4 %						

Из таблицы видно, что абсолютное большинство (56,4 %) руководителей региональных отделений политических партий представлены средневозрастными группами (36—45 и 46—55). Это можно связать с двумя моментами. Согласно первому, возрастные стереотипы в России так же сильны, как и гендерные, т. е. принято считать, что политика предназначена для старших поколений. Существует и другое объяснение — лица из этой возрастной группы характеризуются немалым жизненным опытом, наличием необходимых профессиональных знаний и деловых навыков, они имеют достаточно сил и времени для реализации своих планов. Исключением является партия ЛДПР, средний возраст руководителей которой составляет 36,5 лет. Половина региональных координаторов партии представлена самой молодой возрастной группой из имеющихся. Это объясняется спецификой ЛДПР как партии одного человека, партии лидерского типа. Исследователи отмечают, что в партии трудно обнаружить ярких и публичных активистов, кроме самого В. В. Жириновского и членов его семьи, т. к. там проходят «регулярные чистки, в результате которых большинство главных постов пополняются новыми, неизвестными до того фигурами» [18, с. 123]. По мнению автора, достаточно высокий уровень кадровый ротации в партии вызван стремлением отблагодарить финансовых спонсоров партийной должностью или «проходным» местом в списке кандидатов[1].

Ставка на омоложение внутрипартийных кадров вызвана не только потребностью придать партии динамизм[2], но и исключить конкуренцию лидеру партии в силу ограниченности опыта и финансов, а также собственного политического веса.

Что касается уровня образования и его специализации, то эти данные представлены в табл. 4. Необходимо подчеркнуть, что выделение направлений подготовки основано на Общероссийском классификаторе специальностей по образованию (ОК 009-2016).

Из таблицы, в которой показаны данные по уровню и направлению образования, можно сделать два вывода. Первый — абсолютное большинство (76 %) региональных лидеров партий имеют высшее образование. Массовый выпуск лиц с дипломом о высшем образовании базируется на нескольких факторах — наличие возможности обучаться в государственном вузе не

[1] ЗАО Партия. Расследование о том, как ЛДПР стала бизнесом для семьи и окружения Владимира Жириновского. URL: https://www.proekt.media/investigation/ldpr-business/?utm_source=tlgrm&utm_medium=chnl&utm_campaign=ldpr (дата обращения: 01.08.2020).

[2] Власов В. О четырех уникальных особенностях молодежной политики ЛДПР. URL: https://www.ng.ru/ng_politics/2017-04-18/11_6976_ldpr.html (дата обращения: 01.08.2020).

Таблица 4

Образование руководителей региональных отделений партий

Направления	Кол-во	Доля (в %)
Инженерное дело, технологии и технические науки	28	39,5
Науки об обществе	14	19,7
Образование и педагогические науки	5	7
Здравоохранение и медицинские науки	3	4,2
Математические и естественные науки	1	1,4
Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки	1	1,4
Гуманитарные науки	1	1,4
Оборона и безопасность государства. Военные науки	1	1,4
Искусство и культура	0	0
Средне специальное	12	17
Неизвестно	5	7
Итого	71	100

только на бюджетной, но и на контрактной (платной) форме; создание и развитие негосударственных вузов с обучением на внебюджетной основе; организация вузами сети филиалов. Все это привело к увеличению численности студентов в вузах и их выпускников.

Второй вывод, который напрашивается из таблицы, — это доминирование лиц с техническим образованием (39,5 %). Это связано с «советским наследием» в российской системе высшего образования, которое включает политехнические институты, отраслевые втузы (например, институты путей сообщения), технические факультеты некоторых университетов, а также высшие технических военно-учебные заведения. Второй момент — около половины региональных лидеров свое первое высшее образование получили в Советском Союзе или на рубеже 1980—1990-х гг., где инженерные и технические специальности были крайне актуальны. На втором месте (19,7 %) стоят лица с высшим экономическим и юридическим образованием. Спрос на профессии юристов и экономистов объясняется изменением общественно-экономических условий в связи с «переходом экономики на рыночный механизм» в 1990-е годы, а также массовым представлением о «счастливой» работе («чистая» работа в офисе / кабинете с бумагами за компьютером) на должности менеджера среднего звена / в качестве «белого воротничка». Кроме того, получение такого образования отличается доступностью (многие, если не все государственные вузы, открыли направления экономического и юридического профиля, большинство из которых на коммерческой основе; частные вузы, за редким исключением, «штампуют специалистов» с соответствующими «корочками»).

Важной чертой общего портрета региональных лидеров партий выступает наличие или отсутствие прохождения военной службы (см. табл. 5). Необходимо отметить, что установление факта присутствия в биографиях рассматриваемых персон срочной военной службы применялось ко всем региональным руководителям.

Как видно из таблицы, 66 % (эта цифра получилась в результате расчета пропорции от числа 60, а не 71) руководителей региональных отделений партии не служили в Вооруженных силах РФ. Так, по данным ВЦИОМ на июль 2020 г., одобряют деятельность российской армии 80,3 % респондентов, что является самым высоким показателем из всех рассматриваемых общественных институтов[1].

Немаловажный интерес представляет тот профессиональный опыт, который был накоплен будущими региональными партийными лидерами. В табл. 6 представлена информация о каналах рекрутирования.

Классическое определение понятия «каналы рекрутирования» принадлежит О. Гаман-Голутвиной, которая дает следующую трактовку: это «...пути продвижения к вершине политической иерархии» [4, с. 99]. Применительно к данному исследованию ними понимаем общественные (политические, социальные, экономические) институты, выходцы из которых выдвигаются на позиции руководителей.

Основным каналом рекрутирования руководителей региональных отделений партий выступает законодательный и представительный орган власти. На выходцев из

[1] Деятельность общественных институтов // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshhestvennyx_institutov/ (дата обращения: 01.08.2020).

Таблица 5

Армейская служба

Субъект РФ	Служил	Не служил	Нет информации
ЯНАО	3	7	0
ХМАО	6	3	2
Курганская	3	9	2
Тюменская	2	5	2
Свердловская	3	7	4
Челябинская	3	9	1
Итого	20	40	11

Таблица 6

Каналы рекрутирования лидеров региональных отделений партий

Место работы	Кол-во	Доля (в %)
Бизнес, коммерческие организации	21	29,5
Региональный парламент	19	26,6
Госдума	15	21,1
Региональные органы исполнительной власти	4	5,63
Аппарат политических партий	3	4,22
Представительный орган муниципального образования	2	2,875
Местная администрация	2	2,875
Учебное заведение	2	2,87
Бюджетная организация	1	1,4
Совет Федерации	1	1,4
Неизвестно	1	1,4
Итого	71	100 %

парламентов (федерального, региональных и муниципальных) приходится более половины всех региональных лидеров партий. Это обусловлено тем, что, как показывает анализ карьерных траекторий, назначению на должность руководителя регионального отделения партий предшествует избрание депутатом. Роль бизнеса как канала рекрутирования руководителей региональных отделений партий велика: треть лидеров отделений партий в субъектах УРФО являются выходцами из бизнеса. В настоящей работе под выходцами из бизнеса понимаются лица, которые до избрания на партийную должность работали в экономических (коммерческих) структурах.

Широкое присутствие выходцев из бизнеса среди руководителей региональных отделений партий обусловлено рядом факторов. Во-первых, одна из причин пойти во власть состоит в наличии ощущения, что в бизнесе все возможные вершины уже достигнуты и потребности попробовать себя в новой сфере. Во-вторых, партийная должность рассматривается как первый шаг на пути получения депутатского мандата, который даёт возможность участвовать в законотворческом процессе в интересах фирмы, отрасли, бизнеса в целом. Кроме того, статус депутата может быть полезен для доступа к чиновникам разного уровня (муниципального, регионального или федерального) управления. В-третьих, важным факторам для бизнесменов выступает и юридическая неприкосновенность, которую дает статус депутата. Наконец, стоит отметить, что наличие депутатского удостоверения само по себе является привлекательной вещью.

Наличие значительной доли представителей бизнес-сообщества среди региональных лидеров партий не вызывает удивление. Как показывают исследования, выходцев из бизнеса много и среди федеральной административной элиты [3; 14], федеральных депутатов [15], муниципальных избранников [1], мэров [10] и сити-менеджеров моногородов [16] и т.д.

Близким к понятию «каналы рекрутирования» является «источник (бассейн) рекрутирования». Последние представлены в табл. 7.

Под источниками рекрутирования в данной работе понимаются «институциональные бассейны (социальные группы), которые служат резервом для выдвижения новобранцев для продвижения к вершине политической иерархии» [12, с. 9].

Таблица 7

«Источники» рекрутирования

Должности	Кол-во	Доля
Депутат регионального парламента	16	22,5
Помощник депутата регионального парламента	3	4,22
Помощник депутата Госдумы	11	15,4
Депутат Госдумы	4	5,63
Региональные государственные служащие	4	5,63
Предприниматели, руководители бизнеса	19	26,7
Наемные работники в коммерческих организациях	2	2,875
Преподаватели	2	2,875
Член СФ	1	1,4
Партийный работник	3	4,22
Муниципальный депутат	2	2,875
Главы городов	2	2,875
Врач	1	1,4
Неизвестно	1	1,4
Итого	71	100 %

Как видно из таблицы, предпринимательское сообщество является важнейшим «поставщиком» руководителей региональных отделений партий. На втором месте «поставщиков» стоит бассейн-корпус региональных депутатов. На третьем месте (более 19 %) находится бассейн-институт помощников депутатов, большинство из которых это помощники депутата Госдумы. Последние бывают двух видов: работа одних носит возмездный характер, а других — труд на общественных началах. Первые работают либо в Госдуме (не более двух), либо на территории (пять). Помощник депутата по работе в Государственной Думе является федеральным государственным гражданским служащим. Помощник депутата имеет право по поручению депутата беспрепятственно проходить в здания органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций[1].

Необходимо подчеркнуть, что назначения помощников депутатов на посты руководителей региональных отделений партий практикует только партия ЛДПР. Объяснение лежит в институциональной плоскости, а именно в формальном статусе руководителя, который у партии именуется координатором. По сравнению с другими региональными начальниками положение регионального «босса» в ЛДПР низкое. Так, в Уставе партии В. В. Жириновского отсутствует формально прописанное позиционирование координатора как высшего должностного лица регионального отделения, которое осуществляет руководство деятельностью соответствующим территориальным подразделением. Что касается полномочий координатора, то четко прописаны его представительские функции (поддерживает взаимодействие с центральными органами партии, с органами региональной и местной власти), а также говорится о его персональной ответственности за своевременное предоставление в органы государственной власти сведений и отчетности о деятельности регионального отделения. В Уставе ЛДПР отсутствует перечень полномочий координатора, в то время как во внутрипартийных документах иных рассматриваемых в настоящем исследовании партий соответствующие списки имеются (у КПРФ этот перечень содержит 14 пунктов, у Единой России — 12, эсеров — 16 + 5). Исходя из вышеназванного, можно сделать вывод, что «уважаемый человек» (например, депутат Госдумы) особой заинтересованности к занятию должности с непонятным статусом и плохо прописанными полномочиями проявлять не будет. В таких условиях центральному руководству (Высшему Совету) ЛДПР не остается ничего другого, как представлять на рассмотрение Координационного Совета (руководящего органа регионального отделения в период между региональными конференциями) «ноунейма» в качестве кандидатуры на пост координатора.

[1] О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федер. закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (последняя редакция). URL: http://duma.gov.ru/legislative/documents/fz_status.

Заключение

Настоящее исследование было вызвано потребностью создать коллективный пор-

трет руководителей региональных отделений политических партий. Это желание появилось на фоне двух моментов. Во-первых, в политологической литературе можно встретить труды, посвященные портретам муниципальных, региональных и федеральных депутатов, мэров городов, глав регионов и т. д. Во-вторых, исследователи уже создали коллективные портреты региональных партийных лидеров какого-то одного конкретного субъекта РФ или макрорегиона (например, Сибирский федеральный округ). В этом плане существовал вакуум, которые в какой-то степени результаты данного исследования заполняют. В данной работе рассматривались лидеры областных подразделений парламентских партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» с 2007 г. по настоящее время) регионов Уральского федерального округа. База данных руководителей, которые попали под «научный объектив», составила 71 персону, что позволила нам сделать обоснованные выводы. В исследовании был проведён сравнительный анализ социально-профессиональных характеристик руководителей региональных отделений партий, а также их карьерных траекторий. Это позволило выявить среднестатистические характеристики для создания общего портрета региональных лидеров парламентских партий. Это значимо потому, что личные черты руководителей являются крайне важными, поскольку они могут влиять на содержание государственной политики. Социальный фон членов политических институтов определяет их жизненный опыт, который, в свою очередь, определяет их взгляды на определенные политические проблемы и связанные с ними политический приоритет.

По итогам всего исследования можно сказать, что руководитель регионального отделения партии — это мужчина среднего возраста с высшим техническим образованием, не служивший в Вооруженных Силах РФ и являющийся выходцем из регионального депутатского корпуса или бизнес-сообщества. Необходимо подчеркнуть, что это усредненная картина, которая дает только общее представление о корпусе региональной партийной элиты. Понятно, что у отдельных партий коллективный портрет их руководителей может отличаться от этого вышеназванного эталона, т.е. выступать девиантным случаем. Речь идет о ЛДПР. Региональные лидеры этой партии выделяются возрастам (преобладание лиц до 35 лет), а также каналом и «бассейном» рекрутирования (парламент и помощник депутата соответственно).

Таким образом, посмотрев на общий портрет региональных партийных руководителей, можно отметить следующий момент. Как было показано, треть рассматриваемых нами руководителей пришла из бизнеса (малого и среднего), т. е. предпринимательского сообщества. Это означает, что у них отсутствует (по крайне мере на первых порах) опыт политической / партийной работы, они не знакомы или их сопричастность с проведением избирательных кампаний носит крайне ограниченный характер. Логично также заключить, что навыки, которые необходимы для организации и построения успешного бизнеса, отличаются от политических навыков. Опыт руководства фирмой предполагает какое-то единоначалие, в то время как политическая (депутатская) деятельность подразумевает нахождение компромиссов, согласование интересов, командную работу. Из этого может следовать то, что электоральные результаты регионального отделения партии при таких руководителях могут быть скромными. Нужно подчеркнуть, что данное утверждение требует доказательств, эмпирической проверки, что может являться одним из направлений дальнейших исследований. Другими могут выступать исследования по созданию общих портретов региональных лидеров какой-то конкретной партии.

_____

1. Витковская Т. Б. Коллективный портрет муниципального депутата Пермского края // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2017. № 4. С. 107—111.

2. Волосов Е. Н. Технократическая элита Ангаро-Енисейского региона в 1964—1991 гг. : опыт исторического анализа. Иркутск : Изд-во Иркут. гос.ун-та, 2010. 433 с.

3. Воронкова О. А., Сидорова А. А., Крыштановская О. В. Российский истэблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 66—79.

4. Гаман-Голутвина О. В. Политическая элита — определение основных понятий // Полис. 2000. № 3. С. 97—103.

5. Гельман В. Я. О становлении российской партийной системы и практиках политических коалиций // Полис. 1997. № 3. С. 188—191.

6. Голосов Г. В., Лихтенштейн А. В. «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис. 2001. № 1. С. 6—14.

7. Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945—1991). Кемерово, 2006. 636 с.

8. Коргунюк Ю. Г. Наложение конфликтов: российский опыт в свете ревизии формулы Липсета-Роккана // Полития. 2003. № 1. С. 165—192.

9. Миллс Р. Властвующая элита. М. : Директмедиа Паблишинг, 2007. 844 с.

10. Мухаметов Р. С. Социологический портрет мэров, избранных по «советской» системе (на примере Свердловской области) // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 4. С. 21—25.

11. Римский В. Л. Общественные размежевания и политические партии в России // Политическая наука. 2004. № 4. С. 152—162.

12. Старкова М. А. Репрезентация глав российских регионов и факторы оценки их деятельности в условиях нового механизма наделения полномочиями (2004—2008 гг.) : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2009. 21 с.

13. Сушков А. В., Разинков С. Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП(б) — КПСС и председатели облисполкома: 1934—1991 : биогр. справ. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2003. 288 с.

14. Тев Д. Б. Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России // Власть и элиты / гл. ред. А. В. Дука. Т. 5. СПб. : Интерсоцис, 2018. С. 54—86.

15. Тев Д.Б. Депутаты государственной Думы РФ VI созыва: социально-профессиональные источники рекрутирования // Экономическая социология. 2017. № 5. С. 52—86.

16. Тев Д. Б. Моногорода: «Бассейн рекрутирования» глав администраций и специфика структуры власти // Управленческое консультирование. 2012. № 3 (47). С. 74—83.

17. Тев Д. Партии «второго эшелона» в региональных парламентах: особенности бассейна рекрутирования депутатов КПРФ, Справедливой России и ЛДПР // Вестник Пермского государственного университета. Серия «Политология». 2012. № 1 (17). С. 98—111.

18. Умланд А., Шеховцов А. «Либеральные демократы» Жириновского перед парламентскими выборами // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 5. С. 123—127.

19. Ускорникова Е. В. Партийная элита Алтая в конце 50-х гг. XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-2. С. 229—232.

20. Шашкова Я. Ю. Динамика руководящего состава региональных отделений политических партий в Юго-Западной Сибири в 1990—2000-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 162—171.

21. Apitzsch U., Siouti I. Biographical Analysis as an Interdisciplinary Research Perspective in the Field of Migration Studies. URL: https://www.york.ac.uk/res/researchintegration/Integrative_Research_Methods/Apitzsch%20Biographical%20Analysis%20April%202007.pdf (дата обращения: 01.08.2020).

22. Bornat J. Biographical methods // The Sage Handbook of Social Research Methods. London : Sage, 2008. P. 344—356.

23. Hale H. Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State. New York : Cambridge university press, 2006. 288 p.

24. Hoffmann-Lange U. Surveying National Elites in the Federal Republic of Germany // Research Methods for Elite Studies. London and Boston: Allen & Unwin, 1987. P. 27—47.

25. Hoffmann-Lange U. Methods of Elite Research // The Oxford handbook of political behavior. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 911—927.

26. Hoffmann-Lange U. Studying elite vs mass opinion // The SAGE handbook of public opinion research. London : Sage, 2008. P. 53—63.

27. Teney C., Strijbis O., Carol S., Tepe S. Elite survey of the Bridging Project. The Political Sociology of Cosmopolitanism and Communitarianism. Technical Report Discussion Paper SP VI 2018—105. 2018. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/187801/1/1041042574.pdf (дата обращения: 01.08.2020).

28. Shames S. Barriers and Solutions to Increasing Women's Political Power. URL: https://scholars.org/sites/scholars/files/shauna_shames_-_barriers_and_solutions.pdf (дата обращения: 01.08.2020).

29. Wangnerud L. Women in Parliaments: Descriptive and Substantive Representation // Annual Review of Political Science. 2009. Vol. 12. № 1. P. 51—69.

References

1. Apitzsch U., Siouti I. Biographical Analysis as an Interdisciplinary Research Perspective in the Field of Migration Studies, available at: https://www.york.ac.uk/res/researchintegration/Integrative_Research_Methods/Apitzsch%20Biographical%20Analysis%20April%202007.pdf, accessed 01.08.2020.

2. Bornat J. (2008) Biographical methods // The Sage Handbook of Social Research Methods. London, Sage, pp. 344—356 [in Eng].

3. Gaman-Golutvina O. V. (2000) *Polis*, no. 3, pp. 97—103 [in Rus].

4. Gel'man V.Ja. (1997) *Polis*, no. 3, pp. 188—191 [in Rus].

5. Golosov G.V., Lihtenshtejn A.V. (2001) *Polis,* no. 1, pp. 6—14 [in Rus].

6. Hale H. (2006) Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State. New York, Cambridge university press, 288 p. [in Eng].

7. Hoffmann-Lange U. (1987) Surveying National Elites in the Federal Republic of Germany // Research Methods for Elite Studies. London and Boston, Allen & Unwin, pp. 27—47 [in Eng].

8. Hoffmann-Lange U. (2007) Methods of Elite Research // The Oxford handbook of political behavior. Oxford, Oxford University Press, pp. 911—927 [in Eng].

9. Hoffmann-Lange U. (2008) Studying elite vs mass opinion // The SAGE handbook of public opinion research. London, Sage, pp. 53—63 [in Eng].

10. Konovalov A.B. Partijnaja nomenklatura Sibiri v sisteme regional'noj vlasti (1945—1991) [Party nomenclature of Siberia in the system of regional power (1945—1991)]. Kemerovo, 2006, 636 p.

11. Korgunjuk Ju. G. (2003) *Politija*, no. 1, pp. 165—192 [in Rus].

12. Mills R. Vlastvujushhaja jelita [The ruling elite]. Moscow, Direktmedia Pablishing, 2007. 844 p. [in Rus].

13. Muhametov R.S. (2018) *Municipalitet: jekonomika i upravlenie*, no. 4, pp. 21—25 [in Rus].

14. Rimskij V. L. (2004) *Politicheskaja nauka*, no. 4, pp. 152-162 [in Rus].

15. Shames S. (2013) Barriers and Solutions to Increasing Women's Political Power, available at: https://scholars.org/sites/scholars/files/shauna_shames_-_barriers_and_solutions.pdf, accessed 01.08.2020 [in Eng].

16. Shashkova Ja.Ju. (2016) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 413, pp. 162—171 [in Rus].

17. Starkova M.A. Reprezentacija glav rossijskih regionov i faktory ocenki ih dejatel'nosti v uslovijah novogo mehanizma nadelenija polnomochijami (2004—2008 gg.). Perm'. 2009, 21 p.

18. Sushkov A.V. Rukovoditeli Sverdlovskoj oblasti: pervye sekretari obkoma VKP(b) — KPSS i predsedateli oblispolkoma: 1934—1991. Ekaterinburg, Bank kul'turnoj informatsii, 2003. 288 p. [in Rus].

19. Teney S., Strijbis O., Carol S., Tepe S. (2018) Elite survey of the Bridging Project. The Political Sociology of Cosmopolitanism and Communitarianism. Technical Report Discussion Paper SP VI 2018—105. Available at: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/187801/1/1041042574.pdf, accessed 01.08.2020 [in Eng].

20. Tev D.B. (2018) *Vlast' i jelity*, vol. 5, pp. 54—86 [in Rus].

21. Tev D.B. (2017) *Jekonomicheskaja sociologija*, no. 5, pp. 52—86 [in Rus].

22. Tev D.B. (2012) *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 3, pp. 74—83 [in Rus].

23. Tev D. (2012) *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Politologija»*, no. 1, pp. 98—111 [in Rus].

24. Umland A., Shehovcov A. (2011) *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny,* no. 5, pp. 123—127 [in Rus].

25. Uskornikova E.V. (2010) *Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4-2, pp. 229—232 [in Rus].

26. Vitkovskaja T.B. (2017) *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra*, no. 4, pp. 107—111 [in Rus].

27. Volosov, E.N. (2010) Tehnokraticheskaja jelita Angaro-Enisejskogo regiona v 1964—1991 gg.: opyt istoricheskogo analiza. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 433 p. [in Rus].

28. Voronkova O. A., Sidorova A. A., Kryshtanovskaja O. V. (2011) *Polis*, no. 1, pp. 66—79 [in Rus].

29. Wangnerud L. (2009) *Annual Review of Political Science*, no. 1, pp. 51—69 [in Eng].

For citing: Mukhametov R.S. Collective portrait of the leaders of regional branches of parliamentary political parties (on the example of the subjects of the Ural Federal District) // Socium i vlast'. 2020. № 6 (86). P. 17—28. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-17-28.

DOI: 10.22394/1996-0522-2020-6-17-28

UDC 323.39

COLLECTIVE PORTRAIT OF THE LEADERS OF REGIONAL BRANCHES OF PARLIAMENTARY POLITICAL PARTIES (ON THE EXAMPLE OF THE SUBJECTS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT)

Ruslan S. Mukhametov,
Ural Federal University,
Department of Political Science and Sociology,
Associate Professor of the Department of Political Science,
Cand. Sc. (Political sciences).
The Russian Federation, 620000, Yekaterinburg, prospect Lenina, 51
E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Abstract

Introduction. In the political science literature, there are several main approaches that explain the weakness of the political parties' institution in Russia. These concepts point to reasons that are outside political parties. This study attempts to link the low status of political parties in Russia with the quality of party top management, in particular, with the parties' regional leaders (United Russia, the Communist Party of the Russian Federation, the Liberal Democratic Party and A Just Russia).
The purpose of the study is to create a collective portrait of the heads of regional branches of parliamentary political parties.
Methods. The identification of elites in this work is carried out within the framework of the positional approach. The main method for collecting and analyzing data is the biographical approach.
Scientific novelty. An additional explanatory model of the weakness of political parties' institution in Russia is proposed - the quality of party leadership. The factors influencing the internal party processes are considered.
Results. A comparative analysis of the social and professional characteristics of the leaders of the parties' regional branches, as well as their career trajectories is carried out. The average statistical portrait of the regional leaders of parliamentary parties is revealed.
Conclusions. The head of the party's regional branch is a middle-aged man with a higher technical education who has not served in the Armed Forces of the Russian Federation and is a native of the deputy corps or the business community.

Key concepts:
political parties,
United Russia,
Communist Party,
LDPR,
A Just Russia,
regional elite,
party elite,
collective portrait.